

Евгений С. ОТИН

Донецк, Украина

СЛЕНГОНИМИЯ КАК СУБСТАНДАРТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОНИМНОГО ПРОСТРАНСТВА

Slangonyms as a substandard component in the sphere of proper names

Among colloquial onyms a special place belongs to denominations with highly expressive qualities which were derived by means of methods typical of slang word formation. The term slangonym is offered for those appellatives. Types of slangonyms are discussed and an attempt at their lexicographic description has been made.

Keywords: slangonym, colloquialism, vocabulary of slangonyms

В общем, региональных и профессиональных жаргонах русского языка присутствуют весьма многочисленные собственные имена отонимного и отапельлятивного происхождения, выступающие в качестве параллельных ненормативных (субстандартных) образований, которые воспринимаются на фоне соответствующих им “базовых” официальных названий как экспрессивно-оценочные или словесно-игровые их эквиваленты с пониженным социально-речевым статусом. Для их обозначения нами предложен термин *сленгоним*, или *жаргонный оним*, с его модификациями (здесь и далее слова *жаргон* и *сленг* мы употребляем как абсолютные синонимы). В зависимости от вида объекта номинации это могут быть разного типа *топосленгонимы*:

1. *Сленговые топонимы* (*Щетка* – улица Щетинина в Пролетарском районе г. Донецка), *Старый Пимен* вместо *Старо-Пименовский переулок* в Москве (ср. у А. Рыбакова в “Детях Арбата”: “На Старо-Пиме-

новском он отдыхал от дел, становился веселым, благодушным, и Варя любила ездить с ним к *Старому Пимену*”), названия бульваров – *Твербуль* (= Тверской бульвар) в Москве и *Примбуль* (= Приморский бульвар) в Севастополе в довоенные годы; внутригородские сленговые хоронимы *Жилка* (из *Жилплощадка*) – название одного из районов Казани в 70-80-е годы; *Черкизун* – вместо официального названия *Черкизовский рынок* в Москве: “Но в торговом центре “Москва” свободных мест было чуть больше одной тысячи, а на Черкизоне уменьшилось – 15 тысяч! Так что говорить, будто весь Черкизовский туда переехал, неправильно” (“Аргументы и факты”, № 40, 2009 г.).

2. *Антропосленгонимы, библиосленгонимы*, например, *Сало* вместо фамилии *Солженицын* и *Архип* – вместо названия произведения “*Архипелаг ГУЛАГ*”: “А про Солженицына говорил, что “*Сало*” пошел напролом, написал “*Архипа*”, был изолирован от народа и вынужден был стать политиком...” (из интервью с Г. Бурковым по поводу 60-летия В. М. Шукшина, опубликованного в 21-м номере журнала “Крокодил” в 1989 г.)¹, прозвище *Васáл* < *Вас(илий) Ал(ексеевич)*, из первых слогов имени и отчества профессора исторического факультета Донецкого национального университета В. А. Пирко в речи его студентов.

3. *Эргосленгонимы* (*Плешка* < *Академия имени Плеханова*).

4. *Артиосленгонимы*, которых оказалось в онимном пространстве городов довольно много, например: *Капу́ста* – памятник подъячому Г. Капустину в г. Макеевке, Донецкой области, или *Двое третьего ждут* – монумент “Твоим освободителям, Донбасс” в парке им. Ленинского комсомола в Донецке; три артиосленгонима, бытующие в молодежном сленге Харькова для обозначения памятника влюбленным на улице Пушкинской, открытого в 2002 г., – *Глисты*, *Жертвы голодомора* и *Бухенвальд* (фигуры целующихся напряженно вытянуты друг к другу, худосочны, с откинутыми назад руками). В Казани Памятник Независимости Татарстана местные жители именуют *Бэтмен*, *Штопор* и *Птичка*: он представляет собой скручивающееся в воронку двумерное покрывало (Г. Зай-

---

¹ Зафиксирован еще один – синкопированный вариант сленговой переделки (в речи диссидентов) фамилии *Солженицын* – *Солж*: *Их Солж не выдержал. Даже Солж, великий Солж...* (В. Некрасов. “Маленькая печальная повесть”).

натулина. Попытка казанософии. – “Октябрь”. – 2008 г., № 10, с. 183). Количество примеров можно намного увеличить.

Большинство сленгонимов появляется в процессе речевой коммуникации молодежи, легко идущей на самые неожиданные и подчас эпатажные словообразовательные инновации (ср. *Йоха*, *Йошка* – топонимный эквивалент официального ойконима *Йошкар-Ола*, *Чйбы* вместо *Чебоксары*, *Ёбург* вместо *Екатеринбург* и др.)².

Такой маргинальный слой современной внутригородской топонимии И. Н. Потанухина обозначает описательными терминами *городская неофициальная топонимика* (следовало бы *топонимия*) и *разговорные микроурбанонимы*, посвятив им содержательное исследование. На новейшем материале, носящем преимущественно региональный характер (г. Ульяновск, Россия), ею рассматриваются наиболее продуктивные способы образования таких “неофициальных топонимов”, среди которых: суффиксальная универбация, дезаббревиация, усечение, контаминация, метафорический перенос, метонимия и др. (Потанухина, с. 65-68, с. 80).

Все сленгонимы образуются в разговорной речи, составляя в ней особую группу коллоквиализмов. Далекое не все онимные коллоквиализмы принадлежат сленгу. Прежде всего это нейтральные словообразовательные варианты официальных (нормативных, документально закрепленных) собственных имен, образованные в соответствии с нормами разговорной речи, представленными в ней образцами. Нельзя считать сленгонимами и уже потерявшие свою “корпоративную” привязанность некоторые бытующие в современной речи усеченные образования, например, *Днепру* (< *Днепропетровск*); *Питер*; *Карело-Финия* < *Карело-Фин-*

² Как тут не отдать должное интуиции депутатов Верховной Рады Украины, не согласившихся вернуть родному селу Ивана Франко во Львовской области его историческое имя – *Нагуевичи*. Стихия молодежного сленга не пощадила бы и его, как это уже произошло с другим ойконимом, мотивированным именем писателя, – *Ивано-Франковском*, превратившимся в сленгоним *Франик*: «У долині я маю шанс піймати за хвіст червону руту (распространенное в Западной Украине название пригородных дизелей, окрашенных в красный цвет. – Е. О.) до Франика» (Ю. Андрухович. «Тасмания»). Легко предугадать, какая бы метаморфоза ожидала в молодежном жаргоне комоним *Нагуевичи*.

ская ССР (в тексте интервью с В. Е. Семичастным, напечатанном в № 24 журнала “Огонек” за 1989 г.); *Афгáн* (< *Афганистан*), например: “Зато после *Афгана* любая трудность покажется комариным укусом” (А. Боровик. “Встретимся у трех журавлей”) и другие – в отличие от *Влáдик* (< *Владивосток*), *Крама́ха* (< *Краматорск*), *Бухарчик* < *Бухарин* в речи представителей партийной элиты 30-х годов, например: «Бухарина она называет нежно: *Бухарчик*» (В. Готов. Шаг влево, шаг вправо...), *Жи́рик* (< *Жириновский*), *Юц* (< *Ющенко*), *леди Ю* (*Юля*), и под. Безусловно сленговым ойкодомонимом является собственное имя *Флакóн* – название одного из домов на набережной Кальмиуса в Донецке (по особенности строения его крыши) в отличие от неофициальных именованных трех домов на Устьинской набережной в Москве – *Келаревка* (по фамилии бывшего владельца *Келарева*), *Нацоновка* и *Комаровка* (газета “Московская правда” от 13 сентября 1990 г.), являющихся типичными *разговорными микроурбанонимами* (термин И. Н. Потанухиной).

В этом отношении различие между старым офенским астионимом *Батус* (*Батусья*) – ‘Москва’ и вышеприведенными современными топосленгонимами – существенно: если первый является продуктом корпоративного “тайноречия” бродячих торговцев – офеней и не содержит каких-либо коннотаций, то вторые, кроме назывной, выполняют еще эмоционально-оценочную или игровую (а часто и обе одновременно) функции и, как правило, создаются не с целью конспирации, контактно-речевого обособления. В этом легко убедиться, если познакомиться с материалом регионального словаря топосленгонимов Д. С. Балдаева (г. Санкт-Петербург и Ленинградская область), некорректно названных автором “народно-блатными топонимами” (Балдаев, с. 275-333).

Онимные коллоквиализмы нередко возникали в прошлом в результате звуковой и структурной адаптации иноязычных собственных имен, являясь их “удобопроизносимыми” вариантами. Коллоквиализацию испытали и некоторые русские составные названия, превратившись, благодаря их стяжению (универбации), в однословные онимы. Топоним *Шлюссельбург* в русской речи местного населения изменяется в региональный онимный коллоквиализм *Шлюшин*: “Я помню, как мы приехали в Шлюссельбург, или, по местному названию, *Шлюшин*...” (М. Е. Салтыков-Щедрин. “Годовщина”).

Ряд современных онимных коллоквиализмов имеют древние корни. Одним из них является топоним *Питер*, зафиксированный в письме А. И. Герцена к И. С. Тургеневу от 7 марта 1861 г. (“Я попросил графа Кушелева телеграфировать вопрос в *Питер*”), который, в свою очередь, появился в результате упрощения более раннего онимного коллоквиализма XVIII века – *Санктпитер*. Последний присутствует в тексте романа “Во селе, селе Покровском”, который приписывают императрице Елизавете Петровне: “Приезжал ко мне детинка из *Санктпитера* сюда” (РПР, с. 28). Экклезионимным коллоквиализмом в позапрошлом веке был и ходовой уже тогда вариант названия Троицко-Сергиева монастыря – *Троица-Сергий*: “У *Троицы-Сергия*, как и всегда, отстаивали всенощную и служили молебен” (М. Е. Салтыков-Щедрин. “Пошехонская старина”). В конце XIX – начале XX в. возникли разговорные варианты агоронимов – названий рынков. Это коллоквиализмы *Сушка* < *Сухаревский рынок* в Москве, например, в речи его торговцев: “Нам бы на *Сушку* хоть одного черта лысого...” (ММС, 119) и *Евбаз* < *Еврейский базар* в Киеве.

Итак, сленгонимы (или *жаргонимы*?) несут в себе заряд “мощной экспрессивности” (БСРЖ, с. 8), что заметно отличает их от других онимных лексических коллоквиализмов. Например, из нескольких неофициальных названий отдаленных районов города Пскова (Россия) – *Корытово*, составляющих целый “синонимический” ряд – *Корытка*, *Корыто*, *Разбитое Корытово* (ассоциация с фразеологизмом у *разбитого корыта*), *Корытов-сити* и *Рио-де-Корытово* (РСС, с. 157, с. 237) только первое из них (*Корытка*) не является сленгонимом, будучи типичным для русской разговорной речи образованием с суффиксом *-ка* с невысоким экспрессивно-эмоциональным потенциалом, которым обладают остальные наименования – бесспорные сленгонимы. Ослабление же или утрата этого потенциала переводят сленгоним в разряд обычных – “спокойных” онимных коллоквиализмов. Исходя из этого можно говорить о “живых” социально-групповых сленгонимах и сленговых собственных именах с уже “потухшей” экспрессией и расширенной сферой употребления – *генетических сленгонимах*, испытавших *десленгонимизацию*.

По характеру лексической базы сленгонимы подразделяются на следующие типы:

1. Отонимные, например: *Конста́ха, Крама́ха, Кра́сик*, образованные от официальных ойконимов *Константиновка, Краматорск* и *Красноармейск* (Донецкая область, Украина); *Брод, Пролеба́бушка* – от официальных годонимов *улица Бродского* и *Пролетарский бульвар* в Пскове (РСС, с. 43); *“Ливер”* – сленговое название английской команда “Ливерпуль” и др.

2. Отапеллятивные, например: сленговый окказионализм «*Штука*» – название магазина «*100 мелочей*» в городе Макеевке (Донецкая область, Украина), возникшее благодаря онимизации жаргонного слова *штука* ‘тысяча’ и т. д.

По своему составу сленгонимы могут быть:

1. Однословными (их большинство): *“Белка”* – универмаг *“Белый лебедь”* в г. Донецке, *Волна́* – город *Волноваха* в Донецкой области и под.

2. Словосочетаниями: *Мечта импотента* – стела возле памятника В. И. Ленину в г. Донецке (это ее сленговое название употреблялось в речи горожан в 80-90-е гг. прошлого века,; такое же шутливо-ироничное имя носит Мемориальная стела в г. Пскове (РСС, с. 167), *Баба Лена* – памятник В. И. Ленину в г. Пскове (РСС, с. 27), *“От заката до рассвета”* – бар *“Майами”* в городе Харцызске Донецкой области (бар работает круглосуточно), *“Мужик с тортом”* – памятник Ярославу Мудрому в Киеве.

3. Микропредложениями (весьма редко): *“Подвезите девушку”* – памятник в Киеве, представляющий собой скульптурную композицию “Княгиня Ольга, Кирилл и Андрей Первозванный” (СУ, с. 21), *“Двое третьего ждут”* – памятник Освободителям Донбасса в г. Донецке и т. д.

Процессы порождения различных разрядов и видов сленговых (жаргонных) собственных имен весьма активны и разнообразны. Количество сленгонимов неуклонно возрастает, особенно в речи молодежи с ее тягой к словесной “эксцентрике”, откуда часть их них проникает в общий жаргон или, испытав десленгонимизацию, пополняет очень близкий им по статусу лексикон онимных коллоквиализмов, как это произошло, например, с топосленгонимом *Афган* ‘Афганистан’, появившимся в жаргоне военных. Ономатологам пора обратить внимание на субстандартную онимию, имеющую несомненные отличия от основной массы

онимных коллоквиализмов как в словообразовательном, так и в функциональном отношениях.

На кафедре общего языкознания и истории языка Донецкого национального университета ведется работа по сбору материала и составлению словаря сленговых (или жаргонных) онимических лексем, присутствующих в живой речи различных слоев населения Донбасса. Особое внимание уделяется объяснению процессов порождения таких сленговых собственных имен, а также их своеобразных формально-структурных признаков. При участии студентов составляется словарь сленгонимов жителей региона. Ниже приводятся образцы словарных статей, подготовленных автором.

ВОЛНА́. Город Волноваха, районный центр Донецкой области (запись 2008 г.). Астиосленгоним образован путем усечения общепринятого названия города, в результате чего возникло формальное совпадение с апеллятивом *волна*. Присутствует также в составе еще двух равнозначных астиосленгонимов с англо-американскими топонимическими “добавками”: *Волна́-Сі́ти* и *Волна́-Вéгас* (последняя – от *Лас-Вéгас* – название американского города в штате Невада, являющегося крупнейшим центром индустрии развлечений и игрового бизнеса).

КЛЁПА. Кафе “Клеопатра” в г. Донецке. *Приходи завтра вечером в “Клёпу”, все обсудим подробно* (запись 2008 г.). Образование сленгового ойкодомонима связано с усечением имени древнеегипетской царицы Клеопатры VIII, отличавшейся образованностью и владевшей искусством обольщения мужчин. В европейских языках ее имя получило референтную коннотацию ‘обольстительная, сексопильная женщина’ (СКСИ, с. 216). Присутствует в современном женском именнике. На фонетические изменения в сленгониме повлияли и производные формы этого антропонима: *Клёпа, Клёпка, Клёпушка, Клёпонька* (СРЛИ, с. 134, 301).

КОНСТА́ХА. Сленговый вариант названия города Константиновки, районного центра Донецкой области, образованный усечением основы официального астионима с добавлением к ней экспрессивного суффикса *-аха* (запись 2009 г.). См. также **Крама́ха**.

КРАМА́ХА. Сленговый астионим, которому соответствует официальное название города на севере Донецкой области – *Краматорск*, исторически сложившееся в результате стяжения в одно слово состав-

ного топонима *Крома Торская*, т.е. ‘граница по реке Тор, Торская граница’ (подробнее см.: Отин 1997, с. 355-359). К усеченной основе официального ойконима был присоединен экспрессивный суффикс *-аха* (ср. *деваха*, *Натаха* и под.). Пример его употребления в репликах диалога, очевидно, нарочито насыщенного астиосленгонимами (запись 2009 г.): – Ты где сейчас живешь – в *Констахе* или *Крамахе*? – Нет, давно уже в *Рио-де-Житомире*. См. еще **Конста́ха**, **Кра́сик**.

КРА́СИК. Город Красноармейск, районный центр Донецкой области (запись 2008 г.). Астиосленгоним образован сокращением (усечением) основы официального ойконима с последующей суффиксацией: *Крас(ноармейск) + ик*. См. также: **Бе́лка₂**, **Конста́ха**, **Крама́ха**.

ЛЕ́НКА. Площадь имени В.И. Ленина в г. Донецке. Сленговый агороним, образованный на базе меморативного компонента полного официального названия площади путем усечения с последующей суффиксацией: (имени) *Лен(ина) + ка*. Такой же сленгоним зафиксирован и в России: *Ленка* – 1) площадь имени Ленина в г. Пскове; 2) областная библиотека имени В.И. Ленина в этом же городе (с вариантом *Ленинка*, регулярно образованным от полной основы антропонима) (РСС, с. 149). Ср. также *Крупá* – сленговое название Областной научной библиотеки имени Н.К. Крупской в г. Донецке.

САН-ХАРИЦ’ЫЗСК. Топосленгонимный вариант названия города Харцызска в Донецкой области. Появился благодаря звуковой “перекличке” с названием города *Сан-Франциско* – крупного торгово-финансового, культурного и научного центра в Америке (штат Калифорния): *Харцызск – Сан-Франциско*. Эффект шутливо-иронического употребления создается благодаря объединению “разноприродных” фрагментов названий территориально далеких ойконимов и несоизмеримостью их статуса и известности. Другой вариант топосленгонима: *Харцызск-Сити* (англ. *city* ‘большой город’; как собственное имя – ‘торговая и деловая часть Лондона’). Ср. топосленгонимы *Волна́-Сити* (г. Волноваха), *Рио-де-Жито́мир* (запись 2009 г.) и под.

Условные сокращения

Балдаев	Балдаев, Д. С. Словарь блатного воровского жаргона. В двух томах. – М., 1997. – Т. 2.
ММС	Иванов Е. Меткое московское слово. Быт и речь старой Москвы. – М., 1982.
Потанухина	Потанухина, И. Н. Городская неофициальная топонимика // Русский язык в школе. – 2008. – № 10.
Отин 1997	Отин, Е. С. Тор и Краматорск // Е.С. Отин. Избранные работы. – Донецк, 1997.
РПР	Русские песни и романсы. – М., 1989.
СРЛИ	Петровский, Н. А. Словарь русских личных имен. – М., 1980.
СУ	Словарь украинца // газета “Сегодня (Украина)”, 4 августа 2008 г.

Проф. дфн Евгений Степанович Отин,
Заведующий кафедрой общего языкознания
и истории языка Донецкого национального университета;
Донецк, Украина;
filf_d@dongu.donetsk.ua